

В те два дня, когда решалась судьба Цзи Мяня на выпускных экзаменах, почти все его близкое окружение пришло в движение. Друзья и братья Дуань Чжо один за другим порывались навестить юношу, но тот выставлял их за дверь еще с порога, заявляя, что не позволит мешать настрою выпускника. В итоге на втором этаже позволили остаться лишь Сунь Ци.

В ночь перед первым экзаменом Цзи Мянь немного страдал от бессонницы, однако наутро, вопреки ожиданиям, чувствовал себя вполне бодро. В течение этих двух решающих дней Система не проронила ни слова, и именно об этом безмолвии юноша просил ее заранее.

Когда четыре основных экзамена остались позади, Цзи Мянь подвел внутренние итоги: лишь последний вопрос в сложной части по математике вызвал у него серьезные затруднения. Остальные же предметы дались легко, и даже комплексный тест по естественным наукам — его извечная головная боль — прошел на удивление гладко. Двухмесячный штурм знаний не прошел даром.

Восьмого июня, в пять часов вечера, Цзи Мянь вышел из экзаменационного центра. Погода стояла тяжелая: даже к закату солнце продолжало нещадно палить. Юноша быстро шел в плотном потоке людей, стремясь поскорее оказаться дома.

Стоило ему миновать школьные ворота, как издалека, из густой тени деревьев справа, донесся громкий крик:

— Цзи Мянь!

— Цзи Мянь, сюда!

Это был голос Сунь Ци. Цзи Мянь обернулся на зов и увидел под сенью деревьев двоих приметных молодых людей. Один выделялся копной ярко-рыжих волос и тонким шрамом через всё лицо, другой же выглядел куда более сдержанным. Его статная фигура и ослепительная внешность невольно приковывали взгляды, выделяя его из любой толпы.

Юноша прибавил шагу и под конец почти перешел на бег.

— Брат Сунь Ци, — первым делом поздоровался он, а затем перевел взгляд на Дуань Чжо. Тот смотрел на него, не отрывая взора, с едва заметной улыбкой и странной, непривычной нежностью.

В следующую секунду на голову Цзи Мяня легла теплая и сильная ладонь, привычным жестом взлохматив мягкие волосы. Юноша послушно замер, позволяя мужчине гладить себя, и почувствовал, как сердце почему-то забилось чуть быстрее.

Спустя мгновение он негромко пробормотал:

— Брат, хватит уже.

Дуань Чжо убрал руку и посмотрел на Сунь Ци:

— Давай сумку.

— А, точно! — Сунь Ци не стал отдавать сумку целиком, а выудил оттуда солнцезащитный зонт и протянул его Цзи Мяню.

Уже давно повелось, что всякий раз, когда они выходили куда-то вместе, Дуань Чжо неизменно брал с собой зонт для младшего. Приняв его, Цзи Мянь с любопытством спросил:

— Брат, почему ты всегда заставляешь меня ходить под зонтом?

— А сам не понимаешь? — усмехнулся рыжий. — Ты же светленький, а таким, как ты, положено беречь кожу.

Цзи Мянь лишь неопределенно пожал плечами, не зная, как реагировать на столь сомнительную логику.

— К тому же, — продолжал Сунь Ци, — нынешним девчонкам только таких беленьких и подавай. Эх, измельчал вкус у народа.

Он оценивающе оглядел чистое, благородное лицо Цзи Мяня и многозначительно повел бровями:

— Не жалуйся, это твое благословение. Вот поступишь в университет — сам увидишь: с такой внешностью заводить романы тебе будет куда проще, чем остальным.

Стоило этим словам прозвучать, как оба его спутника разом изменились в лице. Дуань Чжо помрачнел так стремительно, что Сунь Ци невольно вздрогнул.

— Многовато болтаешь, — холодно отрезал мужчина.

Лицо Цзи Мяня тоже стало очень серьезным:

— Мне нравится только сестра Юймань, я не собираюсь бегать за другими девушками.

При этих словах Дуань Чжо искоса взглянул на него, а через пару секунд молча опустил веки, скрывая свои мысли. Сунь Ци же почувствовал себя лишним в этой компании.

Толпа вокруг постепенно редела: родители уводили детей домой, празднуя окончание школьной жизни. Старший мягко коснулся затылка Ци Мяня, подталкивая его вперед.

— Идем домой.

— Хорошо.

В конце июня, в день, когда должны были опубликовать результаты, Ци Мянь не выпускал из рук телефон Дуань Чжо, а Сунь Ци, вооружившись собственным смартфоном, принялся помогать ему. На странице браузера синяя полоса загрузки замерла у самого края, никак не желая двигаться дальше.

— О! — внезапно воскликнул Сунь Ци. Он прищурился, вглядываясь в появившиеся на экране строчки. В графе «общий балл» значились цифры, которые он тут же озвучил: — 640?

— Это ведь шестьсот сорок, верно? — Он поднял экран, показывая результат друзьям.

Ци Мянь замер, пальцы его оцепенели, а сердце, казалось, на миг перестало биться. Даже Дуань Чжо на мгновение лишился дара речи. Он сделал шаг вперед, выхватил телефон из рук Сунь Ци и принялся внимательно изучать страницу, пока окончательно не убедился: ошибки нет, там действительно значилось 640 баллов.

— 640... Это много или мало? — пробормотал Сунь Ци, а затем сам же себе ответил: — Наверное, прилично. Брат моего друга в прошлом году всего 250 набрал.

Мужчина, не отрывая взгляда от экрана, ответил лишь коротким:

— Очень много.

— Шесть... шестьсот сорок? — Юноша наконец пришел в себя, заикаясь от волнения. — Я набрал... 640?

В следующую секунду перед его глазами снова возник экран телефона, а над ухом раздался смешливый голос Дуань Чжо:

— Смотри сам.

[Здесь как минимум пятьдесят баллов — моя заслуга.] — с гордостью провозгласила Система.

Шестьсот сорок баллов... Конечно, здесь была доля везения и эмоционального подъема, но в основе лежал титанический труд последних двух месяцев. Цзи Мянью чувствовал, как его лицо горит от восторга.

— Брат! — Он радостно подпрыгнул и, не помня себя от счастья, обхватил Дуань Чжо за шею, заключая его в пылкие объятия.

Он поступил! Он будет учиться!

Мужчина на мгновение замер, и его руки уже начали было смыкаться на талии юноши, желая притянуть его ближе, но Цзи Мянью тут же отстранился. С тем же восторгом он бросился к Сунь Ци и наградил его точно таким же объятием. Настоящий мастер справедливости.

Дуань Чжо непроизвольно стиснул зубы, чувствуя укол необъяснимого раздражения. Сунь Ци же с напускным отвращением отпихнул юношу:

— Ну вот еще, обниматься с парнями! У меня, между прочим, девушка есть!

Высвободившись, он со вздохом, полным зависти, спросил:

— Брат, как думаешь, мне в мои двадцать пять еще не поздно на экзамены сходить?

В наше время работу найти — та еще морока. Хотя у него и был свой бизнес, он не планировал заниматься этим вечно. Мечтал поднакопить денег и найти теплое, спокойное местечко. Будь у него диплом университета, он бы наверняка подался в госслужащие.

— Хех, — Дуань Чжо ответил ему лишь холодным смешком.

Вслед за коротким приступом эйфории наступили муки выбора. Балл Цзи Мянью был высок, но для их провинции ситуация складывалась неловко. В местных вузах наблюдался серьезный разрыв: для поступления в лучший требовалось минимум 660, а в остальные два можно было пройти и с шестью сотнями. Результат юноши застрял ровно посередине: для элиты не хватало, а для середняков балл был слишком хорош, чтобы тратить его впустую.

После долгих и бесплодных споров Дуань Чжо, стоя у окна с сигаретой, наконец вынес вердикт:

— Давай посмотрим варианты в других провинциях.

К моменту окончания приема заявок список приоритетов Цзи Мянэ был готов. Первым пунктом он все же указал лучший вуз родного края, а следом — два престижных университета в других провинциях, куда его баллов хватало с лихвой. Оставшиеся местные заведения он вписал в самом конце, для подстраховки.

Чудо не произошло — проходной балл для местного флагмана не опустился. Цзи Мянэ зачислили по второму приоритету в университет, расположенный более чем в тысяче километров от дома.

В день, когда пришло заветное уведомление, на улице стояла прекрасная солнечная погода. Дуань Чжо дремал в шезлонге, а Цзи Мянэ устроился рядом на маленькой табуретке, вместе с ним прячась в тени. После экзаменов он вернулся к своему старому ремеслу и теперь усердно трудился в мастерской. За эти два года навыки почти забылись, и в руках, державших резец, чувствовалась непривычная робость.

Дуань Чжо недавно закончил работу над последними заказами, так что в мастерской в последнее время было затишье. Юноша пытался вырезать лошадь, но результат оказался настолько топорным и некрасивым, что он впал в уныние, отложил инструменты и просто сидел рядом с братом, наслаждаясь теплым ветром. Летом, когда ты неподвижно сидишь в тени, в этом покое чувствуется особое, неповторимое очарование.

Цзи Мянэ на своей табуретке чуть отодвинулся в сторону, чтобы не стеснять Дуань Чжо и не добавлять ему лишнего жара своей близостью. Сам он легко переносил зной, а вот о комфорте брата пёкся всегда. Мужчина мельком взглянул на него, но промолчал. Юноше же на миг показалось, будто в этом взгляде промелькнуло желание, чтобы он, напротив, сел поближе. Поколебавшись, он все же остался на месте, печально рассматривая свою уродливую деревянную фигурку.

— Мастерство так просто не забывается. Раз научился — значит, со временем всё вернешь, — негромко произнес Дуань Чжо.

Он редко бывал столь многословен и добр, но за этот год, казалось, израсходовал весь запас ласковых слов, предназначенных на целую жизнь. Прежняя холодность и нелюдимость мужчины в присутствии Цзи Мянэ исчезали без следа.

Он взял из рук юноши неудавшуюся заготовку и повертел её в ладонях. Лошадь и впрямь была страшноватой. На губах Дуань Чжо заиграла усмешка:

— Прогресс налицо. По крайней мере, это уже не похоже на картофелину.

Цзи Мянэ: — ...

— И как вам двоим не лень жариться на улице в такую духоту?

Нежный женский голос донесся со стороны входа. Дуань Чжо приоткрыл глаза и кивнул:

— Сестра.

— Сестра Юймань, вы как здесь? — радостно отозвался Цзи Мянью.

За спиной Му Юймань стоял курьер с плотным конвертом в руках. Она пояснила:

— Я была внизу, и этот молодой человек спросил у меня дорогу. Адрес указан ваш. — Она лукаво улыбнулась. — Я подумала, что это может быть твое уведомление, и решила подняться вместе с ним.

Юноша мгновенно выпрямился. Курьер протянул ему пакет с поздравительной улыбкой:

— Пожалуйста, распишитесь в получении.

Цзи Мянью быстро поставил подпись, вернул бланк и дрожащими руками вскрыл конверт. Внутри лежал плотный двухслойный лист темно-синей бумаги с золотым тиснением: «Уведомление о зачислении».

Первым порывом юноши было показать бумагу Дуанью Чжо, но в тот же миг раздался восхищенный возглас Му Юймань:

— Ой, какое красивое!

Он замялся на секунду, но в итоге протянул уведомление ей. Му Юймань приняла документ с таким восторгом, будто сама только что поступила в университет. Она долго рассматривала его, и когда взгляд её упал на крупно выведенное имя «Цзи Мянью», в её душе поднялась волна светлой грусти.

Она невольно вспомнила тот вечер несколько лет назад, когда Дуанью Чжо постучал в её дверь. Именно тогда она впервые увидела этого мальчика. Открыв дверь, она наткнулась на ледяной, хмурый взгляд брата. А на его спине висел грязный, странно одетый подросток, чья голова безвольно свисала набок. Лицо мальчишки почти касалось его шеи; Дуанью Чжо брезгливо пытался отстраниться, но из-за ноши не мог этого сделать, и мягкая щека подростка то и дело терлась о его подбородок и шею.

Му Юймань тогда не на шутку испугалась:

— Что случилось?

— Этот пацан воровал, Сунь Ци его проучил, и он отключился прямо за моей машиной, — Дуань Чжо с недовольным видом прошел в комнату. — Застели кровать чем-нибудь, он весь в грязи.

Тогда от него пахло не лучшим образом — был он в ту пору тем еще вонючкой. Му Юймань, не слушая ворчания брата, поспешно откинула одеяло, освобождая место на простынях:

— Клади его сюда, потом стираю.

— Прости за хлопоты, сестра. Если станет хуже — отвезу его в больницу.

Му Юймань тогда только начала интернатуру, и хотя её специализация была далека от травматологии, обработать легкие раны она могла. На лице паренька живого места не было от синяков, и выглядел он совсем ребенком.

Она вздохнула, не в силах сопоставить того диковатого мальчишку с этим опрятным, послушным юношей, который только что получил билет в новую жизнь. Му Юймань незаметно шмыгнула носом.

— Сестра Юймань?

— Всё хорошо, — она наклонилась и нежно обняла Цзи Мян. — Поздравляю тебя.

Юноша, застигнутый врасплох, застыл как вкопанный. Его окутал тонкий аромат ее платья и волос; женские объятия, такие мягкие и теплые, были ему в новинку. Его лицо мгновенно залило краской — это был первый раз, когда его обнимала женщина, и он невольно смутился.

Дуань Чжо пару секунд пристально смотрел на покрасневшие кончики ушей Цзи Мян, а затем внезапно встал, подхватил свой шезлонг и молча ушел в мастерскую.

Му Юймань растерянно моргнула и разомкнула объятия, в которых не было и тени двусмысленности.

— Брат? — обернулся Цзи Мян. — Ты больше не хочешь сидеть на солнце?

Ответом ему стал лишь глухой стук ножек шезлонга, опустившегося на пол.